

УДК 904:94(38).09

UDC

DOI: 10.17223/18572685/70/2

Писаница из Цитадели городища Артезиан: двадцать лет исследования

Н.И. Винокуров¹, М.М. Чореф²

¹ Московский педагогический государственный университет
Россия, 119435, г. Москва, ул. Малая Пироговская, 1/1
E-mail: vinokurovn@list.ru

² Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского
Россия, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23
E-mail: choref@yandex.ru

Авторское резюме

Два десятилетия продолжается изучение интереснейшего лапидарного памятника – писаницы, найденной в 2000 г. ходе раскопок Цитадели городища Артезиан в облицовке дренажной системы. На ней обнаружены две монограммы, три группы знаков, а также следы двухстрочной плохо сохранившейся надписи. Обилие тамг, наличие текста и лигатур на этом памятнике говорят о его высокой значимости. Полагаем, что аббревиатуры и тамги первой группы, выполненные рукой профессионального резчика, появились на писанице в память о заключении соглашения понтийского полководца Неоптолема с вождями варварских кланов, к которому присоединился сменивший его в качестве наместника Махар – сын Митридата VI Евпатора Диониса. Имена понтийских вельмож зашифрованы в монограммах. К сожалению, размещённая под ними надпись сохранилась фрагментарно. Допускаем, что она содержала текст договора, заключённого вождями варваров с представителями понтийского государя. Плита же с этими обозначениями крепилась на видном месте в стене Цитадели. Позже к соглашению присоединились менее влиятельные кланы. В результате чего на плите появились их знаки, процарапанные тонкими линиями выше и ниже строки с ранее размещёнными монограммами и тамгами. Знаки третьей группы самые поздние. Один из них был высечен поверх ранее размещённой тамги. Знаки третьей группы, скорее всего, появились, когда плита была извлечена из стены и использовалась вторично, пока не оказалась в облицовке оборонительного рва. Сам факт обнаружения тамг и монограмм и надписи на писанице уточняет наши

представления о межкультурном взаимодействии между варварскими кланами Таврики и Северного Причерноморья, с одной стороны, и жителями Понта – с другой. И, что не менее важно, позволяет проследить структуру кочевого ираноязычного сообщества в регионе во второй половине I в. до н. э.

Ключевые слова: история, археология, эпиграфика, Боспор, Артезиан, писаница, тамги, монограммы

The Pisanitsa petroglyphs from the Citadel of the Artezian Ancient Settlement: Twenty Years of Research

N.I. Vinokurov¹, M.M. Choref²

¹ Moscow Pedagogical State University
1/1 Malaya Pirogovskaya Street, Moscow, 119435, Russia
E-mail: vinokurovn@list.ru

² Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
23 Gagarin Avenue, Nizhny Novgorod, 603950, Russia
E-mail: choref@yandex.ru

Abstract

For two decades, the study of the most interesting lapidary monument has been going on – the Pisanitsa petroglyphs found in 2000 in the drainage cladding during the excavations of the Citadel of the Artezian Ancient Settlement. The archeologists found two monograms, three groups of characters, and traces of a two-line poorly preserved inscription. Many tamgas as well as the text and ligatures on this monument indicate its high significance. We believe that the abbreviations and tamgas of the first group were made by a professional carver in memory of the agreement of the Pontic commander Neoptolemus with the leaders of barbarian clans, joined later by his successor Machares, son of Mithridates VI Eupator Dionysus. The monograms encrypt the names of the Pontic nobles. Unfortunately, the inscription under the monograms has been preserved in fragments. It presumably contained the text of the agreement between the barbarian leaders and the Pontus representatives. The slab with the insignia was fastened in a prominent place in the wall of the Citadel. Later, when less influential clans joined the agreement, their insignia appeared on the slab as scratched thin lines above and below the line with the previously placed monograms and tamgas. The signs of the third group, most likely, appeared when the slab was removed from the wall and used

again to be found later in the cladding of the defensive moat. The discovery of tamgas, monograms, and inscription in the Pisanitsa petroglyphs enhances our insight of the intercultural interaction between the barbarian clans of Taurica and the Northern Black Sea region on the one hand and the residents of Pontus on the other. No less important is that the discovery specifies the structure of the nomadic Iranian-speaking community in the region in the second half of the 1st century BCE.

Keywords: history, archeology, epigraphy, Bosphorus, Artesian, Pisanitsa, tamgas, monograms

Археологические раскопки античного городища Артезиан в Крымском Приазовье на месте предполагаемой Паросты Клавдия Птолемея¹ (Ptol., III, 6, 5), производимые ААЭ МПГУ 36 лет, привели к открытию ряда лапидарных памятников, среди которых встречались и многострочные эпитафии [13: 31–52; 14: 241]. Особое место среди данных находок занимает обнаруженная в 2000 г. большая плита [10: 79–88] с остатками выветрившейся древнегреческой надписи, а также с монограммами и тамгообразными знаками (рис. 1). Интерпретации данной находки посвящено несколько публикаций, которые ввели в научный оборот новый необычный лапидарный памятник, являющийся ценным собранием уникальных и уже известных по другим находкам тамгообразных знаков [10; 12; 42]. Такие памятники с вырезанными тамгами в литературе принято называть «писаницы».

Большая часть найденных артезианских надписей привязана к культурным напластованиям и объектам античного времени, которые хорошо датируются благодаря точным хронологическим индикаторам – боспорским и римским монетам из пожара начала боспоро-римской войны 44/45–49 гг. н. э. (Тас. Ann., XII, 15–21), слоёв сейсмических разрушений и последующих перестроек фортификационных сооружений городища [2: 93–146; 3: 5–16; 11: 170–194; 48; 50: 207–278].

Прослежено три этапа функционирования оборонительных сооружений городища. На первом этапе появилась так называемая цитадель «0», время бытования которой на рубеже II–I вв. до н. э. связано с фортификационной деятельностью на Боспоре архитекторов Митридата VI Евпатора Диониса (121–63 гг. до н. э.). Крепость этого периода погибла, как и все синхронные постройки городища, в результате мощнейшего землетрясения 63 г. до н. э. Находки боспорских монет из слоя разрушения не противоречат такой версии. Строительный материал из разобранный цитадели «0» был использован для возведения более поздних античных оборонительных сооружений: ранней и поздней цитаделей. Точное время постройки ранней цитадели неизвестно, но при Асандре (48/47–19/18 гг. до

н. э.), Динамии (21/20–12 гг. до н.э.) и Аспурге (13/14–37/38 гг. н. э.), по всей видимости, она уже существовала. Ранняя цитадель была уничтожена в 46/47 г. н. э. союзными войсками римлян и Котиса I (45/46–62/63 гг. н.э.) во время боспоро-римской войны 44/45–49 гг. н.э. Поздняя цитадель, построенная поверх её остатков при Котисе I и перестроенная при Савромате I (93/94–123/124 гг. н.э.), оказалась разрушенной мощным землетрясением в хронологическом диапазоне между 255–275 гг. н. э. и более не возобновлялась.

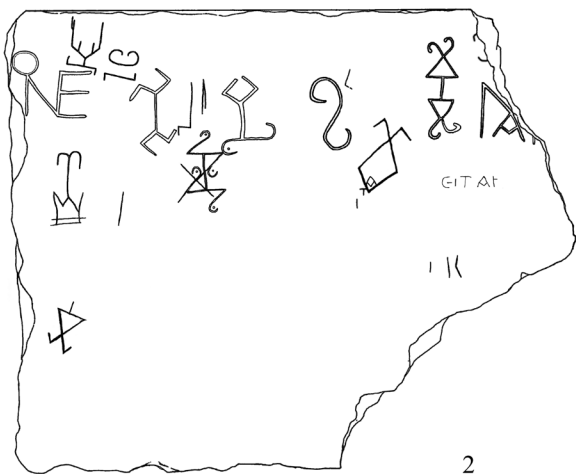

Рис. 1. Писаница из Цитадели городища Артезиан (фото и прорись Н.И. Винокурова).

В ходе исследования на городище Артезиан были найдены почти два десятка целых и фрагментированных лапидарных памятников, включая надгробные стелы с надписями, обнаружены в основном в нивелировочном строительном горизонте, связанном с сооружением поздней цитадели царя Котиса I [9: 92–113; 13: 31–52; 14: 95–134]. Они выявлены в центральной, самой возвышенной части городища в процессе исследования территории акрополя, оконтуренного оборонительным рвом, под фундаментами башен и стен поздней цитадели или в их конструкции.

Контекст находок позволяет предполагать, что вторичное использование лапидарных памятников (рис. 2) было обусловлено не столько строительными нуждами древних фортификаторов, сколько определёнными религиозно-магическими потребностями, связанными с недавно завершённой боспоро-римской войной, строительными и поминальными жертвоприношениями, которые совершались на наиболее удобном и высоком месте, традиционном для местной ритуальной практики. Материальными свидетельствами последней выступают многочисленные разновременные ритуальные комплексы, часто сопряжённые с жертвоприношениями людей и животных [10: 55–87]. При этом основная часть плит, в том числе надгробных стел с надписями и изображениями, выломанных на некрополе и специально принесенных за несколько сотен метров в центр акрополя, оказались намеренно уложенными лицом вниз, как и наша плита-писаница. Понятно, что никакой строительной необходимости в этом не было, чего нельзя сказать о сакральной потребности, многократно повторенной строителями Котиса I с севера и запада строившейся поздней цитадели. Такой магический приём, по-видимому, должен был окончательно похоронить всякие воспоминания о прежних насельниках крепости, сторонников Митридата III (39–44, 46/47 гг. н. э.), поверженных и сожжённых во время недавней ожесточённой боспоро-римской войны.

Место обнаружения плиты-писаницы

Плита (к.о. 1/2002) расчищена на раскопе I на 1,54 м северо-восточнее угловой башни 1 поздней цитадели (рис. 2). Верх плиты открыт на отметке –2,10, на глубине 2,78 м от современной поверхности. Она лежала горизонтально по линии юго-запад-северо-восток. Она была перевернута *на лицевую сторону, вниз надписью*. Юго-западная часть плиты находилась на сnivelированном слое материковой жёлтой пластичной глины. Её северо-восточный торец частично перекрывал край засыпанного рва ранней цитадели с золистым заполнением, ко-

торый проходил по трассе позднего оборонительного рва, на отметке $-2,73^2$. Плита была вмурована в основание фундамента каменной облицовки. Остальные плиты и блоки облицовки не сохранились, так как были выбраны в древности. Плита фиксировала внутренний северо-восточный угол рва поздней цитадели. Она оставалась *in situ* два года после обнаружения, что задержало открытие замечательного лапидарного памятника и едва не привело к его утрате. В 2002 г., в межсезонье, плита была перевёрнута грабителями, оказавшись сброшенной вверх лицевой частью на дно раскопанного оборонительного рва ранней цитадели. Грабители отбили угол плиты, который найти не удалось, а также повредили лицевую поверхность плиты грубыми хаотичными бороздками, которые, впрочем, мало повредили древним знакам, но привели к трудностям при их интерпретации, так как часть знаков была принята в тот момент за современные граффити.

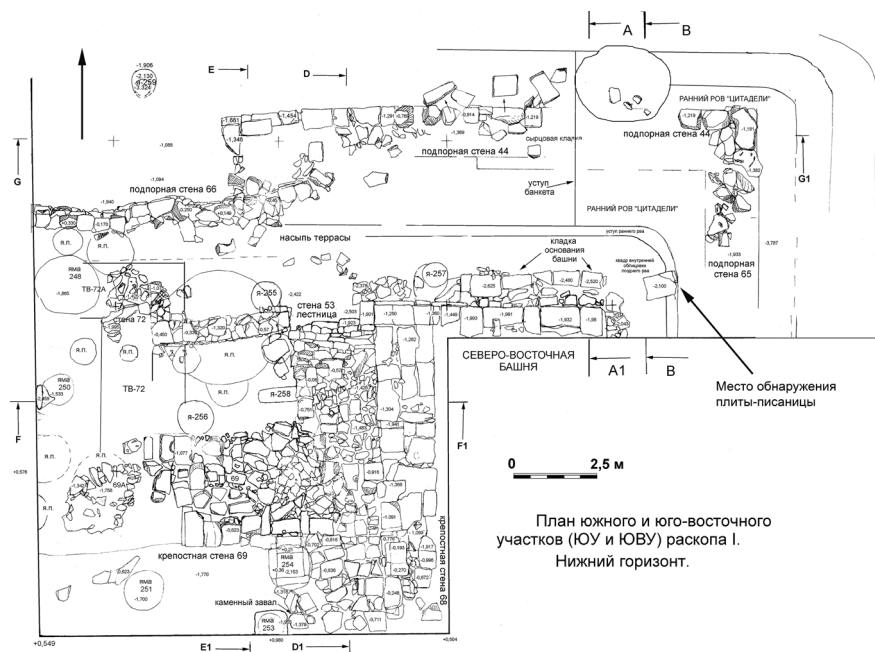

Рис. 2. План раскопа (чертеж Н.И. Винокурова).

Важно отметить, что, когда ров поздней цитадели облицовывался камнем, грунт был очень влажным. Под плитой-писаницей, положенной в основание внутреннего борта, остался на жёлтой материковой глине зеркальный отпечаток её лицевой части с оттисками монограмм и тамг.

Описание плиты-писаницы

Плита высечена из плотного мшанкового известняка серовато-белого цвета, в плане имела подквадратные очертания. Её размер: длина – 800/880 мм, ширина – 812 мм, толщина – 286–310 мм. Вес – несколько сотен килограммов. Она имела грубо околотую оборотную и боковые поверхности. Хорошей обработкой отличалась только лицевая сторона. Поперёк плиты, по торцу, проходит неглубокая подтёска под балку или другую плиту. Угловые части плиты оббиты, один угол отколот и утрачен. Надпись, монограммы и тамги были нанесены на лицевую поверхность плиты.

Датировка плиты-писаницы по археологическим данным

На основании комплекса хронологических индикаторов (находкам монет, прежде всего), общему контексту находки, стратиграфической ситуации плита-писаница, использованная вторично в поздней цитадели, первоначально могла использоваться в конструкции более ранних оборонительных сооружений – цитадели «0», разрушенной землетрясением 63 г. до н. э., и ранней цитадели городища Артезиан, бытовавшей в I в. до н. э. – 46/47 гг. н. э. [1: 713, 715–718; 10: 79]. Часть знаков могла быть высечена и до постройки ранней цитадели.

По стратиграфическим условиям, хронологический промежуток между постройкой поздней цитадели и облицовкой рва был незначителен. Характерно, что магический элемент с переворачиванием плиты вниз лицом был соблюден для большинства лапидарных артезианских памятников.

По-видимому, время вторичного использования плиты-писаницы в облицовке рва поздней цитадели вряд ли выходит за пределы середины I в. н. э.

Монограммы, надпись и тамгообразные знаки

Как уже было сказано выше, плита интересна, прежде всего, тем, что представляет собой писаницу – на ней размещены грекоязычные надписи и две монограммы, а также многочисленные и разнообразные тамгообразные знаки. Примечательно то, что последние разбросаны по всему полю плиты (см. рис. 1).

Начнём с надписи. Она занимает центральную часть плиты, ближе к правому краю. К сожалению, надпись сохранилась плохо. Просматриваются только отдельные её символы, размещённые в две строки. Авторы этой статьи разобрали в ней «...Α...ΕΙΤΑΝ», судя по стилистике букв, её могли высечь в I в. до н. э. [12: 208].

Куда лучше сохранились монограммы. Речь идет о лигатурах Ϝ и $\text{Ϝ} (\text{ϜE})^3$, размещённых в начале и в конце строки тамгообразных знаков в верхней части плиты (см. рис. 1). Первая из лигатур практически не повреждена. Заметные сколы в левой верхней части плиты её лишь слегка повредили. Конфигурация монограммы отлично просматривается. Она составлена из размещённых в строку и состыкованных символов «N», «E» и буквы «O», вырезанной над первой литерой. Полагаем, что в ней были объединены первые три буквы имени Νεοπτόλεμος . Речь должна идти о Неоптолеме – полководце Митридата VI Евпатора Диониса, которому удалось умиротворить Боспорское царство после Первой войны Митридата VI Евпатора Диониса с Римом [31].

Монограмма $\text{Ϝ} (\text{ϜE})$ из-за скола правого верхнего угла плиты сохранилась не полностью. Однако она вполне восстановима. Есть все основания полагать, что на утерянном фрагменте плиты был размещён верхний правый угол буквы «M». Дело в том, что иной, но схожей конфигурации буквы в греческом алфавите нет. В монограмме $\text{Ϝ} (\text{ϜE})$ мы разбираем буквы «M», «A», «X», «P», «O» и «E», которая примыкает к лигатуре, образованной из предыдущих символов. Полагаем, что ней может быть зашифровано « Μαχάρου ἐπίτροπου » – «Махара наместника»⁴ [10: 80; 12: 210–211; 28: 117–121, рис. 4; 33].

Столь же интересны и тамгообразные знаки ϝ , Ϟ , ϟ и Ϡ , размещённые между аббревиатурами Ϝ и $\text{Ϝ} (\text{ϜE})$. Они также переданы чёткими, толстыми линиями. Визуально все они образуют с монограммами Ϝ и $\text{Ϝ} (\text{ϜE})$ одну композицию [42: 79]. Полагаем, что эти тамгообразные знаки появились одновременно. Учитывая выявленные обстоятельства, выделяем их в первую группу.

Начнем со знака ϝ . Принято считать, что эта тамга принадлежала Аспургу [5: 150, № 318, табл. 12, 318; 27: 203–204, табл. XVII, 8–14]. Однако М.М. Чореф обратил внимание на то обстоятельство, что сарматское погребение у с. Косика, в котором этот символ был обнаружен на серебряной ложке, следует датировать третьей четвертью I в. до н. э. [6: 117]. Исследователь пришел к выводу, что знак ϝ принадлежал клану Аспурга, по-видимому, довольно мощной группе сарматов [30: 98].

Относительно обозначения Ϟ С.А. Яценко полагает, что весьма схожая на него тамга ϟ присутствует в «энциклопедии» из Танаиса [40: рис. 23, а]. Она известна и на Арабатской стрелке [40: рис. 5, 5]. Ученый датирует знак ϟ серединой I – серединой II в. н. э. [40: 74]. Мы поддерживаем эту точку зрения. Полагаем, что речь должна идти о тамге влиятельного клана, кочевавшего в Таврике и в Северном Причерноморье. А знак ϟ , как нам кажется, вполне может быть вариацией Ϟ .

Куда интереснее тамга . Начнём с того, что она хорошо известна не только в Северном Причерноморье. Причём как сама, так и в виде вариаций, образовавшихся в результате её разворота на 90° или 180° [16: табл. VIII, 543–551, XX, 71, 72, XXXV, XXXIX, 336–342; 40: рис. 5, 78, 9, 2, 10, 2, 19, 6, 25, в, 8, 36. 108]. Этот знак использовали и в Средней Азии [16: табл. XXVII, 1, 13–17, 3, 14, 15, LI, 50–52; 40: рис. 27, 25, 28, 150, 151, 29, 68, 124, 30, 13]. Небезынтересно и то, что верхняя часть знака , который цари Хорезма размещали своих монетах, представляет собой всё тот же символ . Это же обозначение присутствует на мелких медных монетах этого государства [7]. Знаки и известны и на монетах Чача [34: 22–55. группа 1]. Тамга использовалась в Бактрии при Кушанах [19: рис. 2, 3, 5–7. 4. 5–7. 6. 1: 38: рис. 4. 2. 4. 5. 7. 6. 104–108. 105. 177: 46: рис. 15]. Её знали и в Кангюйском государстве [45: рис. 6–8, 6–10, 6–11]. Эту тамгу использовали и в Иране [40: рис. 32, 16, 123, 33, а, б]. Заметим, что Б.И. Вайнберг и Э.А. Новгородова выявили схожие знаки также в Монголии [7: табл. XII; 8: рис. 6, табл. I, II].

Важный вклад в изучение знака внес С.А. Яценко. Ученый установил, что эта тамга принадлежала могущественному кочевому клану, влиявшему на ситуацию не только в степных регионах Евразии, но на Среднюю Азию. Есть все основания полагать, что речь должна идти о царском роде⁵ [7: табл. VII; 41: рис. 10; 43: 240, 244, рис. 10]. Так что не случайно она размещена в центре первой строки, на самом почётном месте⁶.

Мы принимаем выводы Б.И. Вайнберг и С.А. Яценко. В свою очередь заметим, что несколько видоизмененный символ – он отражен горизонтально, является составной частью тамг Тибериев Юлиев: Реметалка (131/132–153/154 гг. н. э.) () Евпатора (154/155–170/171 гг. н. э.) () и неизвестного царя, сына Евпатора и Евномии () правившего с 170/171 по 174/175 гг. н. э. [32: 99. 102–103: 36: 163–164]. Допускаем, что эти боспорские государи происходили по материнской линии [40: 20. 46. 51] из клана, символом которого являлась одна из вариаций знака .

Примечательно также и то, что эта тамга присутствует на статере Митридата III, найденного в ходе раскопок городища Артезиан (рис. 3).

Монета была опубликована Н.И. Винокуровым и М.Г. Абрамзоном [1: 732–735, 736, № 10, рис. 2; 49: 31–34, 36, No. 10, fig. 7]. С.А. Яценко и один из авторов этой статьи пришли к выводу, что тамга на монете Митридата III – знак клана, принадлежавшего к влиятельной аристократии центрально-азиатского происхождения, оказавшейся к началу I в. н. э. на

территории кубанских сираков, а после усиления аланов мигрировавшего в устье Дона [48].

Рис. 3. Статер Митридата III 46/47 г. н. э. (фото Н.И. Винокурова)

Куда сложнее ситуация с тамгой $\oint$. Заметим, что в Северном Причерноморье и в Таврике на прочих памятниках она неизвестна [16; 39: 543; 40]. Однако стоит вспомнить о том, что верхней частью тамги Евпатора (⌘) является пиктограмма ⌘ . Она, как верхняя и нижняя части $\oint$, состоит из треугольника и исходящих из его вершины двух ломанных линий. Причём её верхняя часть весьма схожа на развернутый горизонтально знак ⌘ или на навершие ⌘ . Заключаем, что тамга $\oint$ также могла принадлежать влиятельному сарматскому роду. Вполне возможно, что клан $\oint$ был родствен группам, использовавшим знаки ⌘ и ⌘ .

Перейдём к процарапанным тамгам ⌘ , ⌘ , ⌘ , ⌘ , ⌘ и новому знаку ⌘ , выявленному в 2022 г. Н.И. Винокуровым (его размеры 65 × 55 мм). Мы отнесли их ко второй группе. Примечательно то, что они размещены над и под строки со знаками первой группы. Первые три размещены над ней, а четвертый и пятый – под ней, причём верхняя часть последнего размещена между ⌘ и ⌘ . Что же касается шестого знака – ⌘ , то он процарапан между тамгами ⌘ и $\oint$, поверх надписи (см. рис. 1).

Сразу же заметим, что известны довольно близкие аналогии этим обозначениям. Так, знак ⌘ в форме ⌘ присутствует на надгробии Теоники, которое Э.И. Соломоник датировала I в. н. э. [25: № 44]. С.А. Яценко полагает, что обозначение ⌘ было вырезано на нём в середине II – в середине III в. н. э., на «стадии b» [42: 80–81, рис. 1, b]. Заключаем, что ⌘ является ранней формой ⌘ [12: 213].

Аналогична ситуация со знаком ⌘ . В формах ⌘ и ⌘ он зафиксирован на территории Боспора, в Юго-Западной Таврике, в Ольвии и в степях Северного Причерноморья⁷ [16: табл. VI, 401–407, VII, 459–463, VIII, 532–539, XIX, 3, 14, XL, 424–426, 436–440, XLVI, 133–137, LI, 108–110; 40: рис. 5, 62, 9–13]. С.А. Яценко датирует его началом I – серединой II вв. н. э. [39: 544]. Примечательно и то, что он присутствует на бронзовых

боспорских монетах Рескупорида II (211/212–228/229 гг. н. э.) [29: 166, 172, рис. 1, 3, 2, 5, 6]. Так что у нас есть все основания согласиться с выводами С.А. Яценко.

Есть все основания полагать, что знак также принадлежал влиятельному таврическому клану [29: 172]. Полагаем, что он временами, при Савромате II (174/175–210/211 гг. н. э.) и Рескупориде II, признал власть боспорского государя. Что нашло своё отражение в памятниках нумизматики [4: № 1822, 1826, 1832, 1833, 1836, 1962, 1963] и эпиграфики [15: № 1008; 26: № 1008].

Обратим внимание на знак . Он известен на котле из с. Павловка, датируемом началом I – серединой II вв. н. э. [39: 542–545]. Примечательно то, что он размещён под тамгой . Это может быть объяснено только тем, что использовавшие их кланы были в союзе. По тому же принципу создавались и тамги боспорских государей.

Что же касается тамги , то весьма схожее на неё обозначение выявлено в самых крупных «энциклопедиях» Причерноморья. Речь идет о керченской «писаной плите» и об ольвийском льве № 1⁸ [16: табл. III, 147, VI, 389; 40: рис. 9, 10]. Похожий на неё знак зафиксирован и при исследовании Усть-Альминского некрополя [37: рис. 4]. С.А. Яценко датирует его I – серединой III вв. н. э. [37: 102–105]. Заключаем, что варварский (сарматский?) клан, использовавший тамгу , уже в I в. до н. э. был достаточно влиятельным [12: 213].

Не менее интересна и тамга . Она в форме , т. е. без точек в полукружьях, была найдена на стенах сармато-массагетского храма в Байте III⁹ (пустыня Устюрт, Западный Казахстан, II–I вв. до н. э.) [38: 69–72, рис. 3, 6, 123; 39: 544; 40: рис. 6, 86, 16]. Вполне возможно, что тамга была её вариацией. Основываемся и на том факте, что весьма схожий на неё знак украшает стены склепа «сабазиастов» 1912 г. в Пантикапее (III–IV вв. н. э.) [40: рис. 5, 73]. По мнению С.А. Яценко, такие обозначения могли появиться в I–III вв. н. э. [40: 35]. Как видим, тамги этой группы размещали довольно долго. Что свидетельствует о значительном влиянии использовавших их групп. Так что есть все основания полагать, что тамга принадлежала знатному варварскому (сарматскому?) клану, откочевавшему во II в. до н. э. в степи Северного Причерноморья и сохранившему свое влияние на европейскую часть Боспора и в III–IV вв. н. э.

Куда сложнее ситуация со знаком . К сожалению, это обозначение не выявлено в известных в настоящее время «энциклопедиях» знаков. Сам же факт размещения знака ниже строки, в которой вырезаны тамги первой группы, говорит о том,

что варварское объединение, которому он принадлежал, не относилось к самым влиятельным в Северном Причерноморье.

Столь же сложна ситуация с обозначениями J , L , I , C и K . Их атрибуция также довольно затруднительна. Проблема в том, что они сохранились довольно плохо. Так, первое обозначение J , будь оно отдельными знаками или составными частями тамги, не имеет аналогов. А граффити L , I и K , как верно заметил С.А. Яценко, пока нет оснований считать знаками собственности. Ученый обратил внимание на то, что они являются «простейшими геометрическими фигурами» [39: 544]. Действительно, J , L , I и K вполне могут быть фрагментами несохранившихся в полной мере знаков. Не ясна и конфигурация знака, от которого сохранились фрагменты C .

После дополнительной фотофиксации плиты, проведённой сотрудницей ААЭ К.Е. Митюрёвой в 2021 г., были обнаружены Н.И. Винокуровым ещё два знака. Самый заметный из них – X . Его размеры – 129 × 91 мм. Он размещён в нижней части плиты¹⁰. Примечательно то, что он развернут под углом в 105° по отношению к прочим обозначениям. Знак X процарапан поверх тамги Z , которую мы относим ко второй группе. Его размеры – 71 × 71 мм.

Примечательно, что знак X схож на верхнюю и среднюю части тамги Z . Только её навершие иной формы. В изучаемой пиктограмме оно представлено как две симметричные ломанные линии, что делает её весьма схожей на хорошо известные тамги. Так, знак X выявлен на «разрисованной плите» из Керчи. Он же присутствует на мраморном льве № 2 из Ольвии. С.А. Яценко датирует эти обозначения I в. до н. э. – I в. н. э. [40: 143, 144, рис. 9, 1, 11, 1]. Знак X схож с пиктограммой X – верхней части тамги Евпатора (H). Учитывая это обстоятельство, заключаем, что X также мог принадлежать знатному сарматскому роду. Чему не противоречит факт его обнаружения на плите из Танаиса. С.А. Яценко датирует этот лапидарный памятник II–III вв. н. э. [40: рис. 15, 13].

Мы не можем не обратить внимание на следующее обстоятельство. Знак X выявлен в главном скоплении тамг внутри храма в Байте III на Устьурте [38: рис. 6, 71]. Идентичная тамга была обнаружена в Кангюе на кувшине из городища Алтан-тобе на р. Арысь [24: рис. 1, 9]. Позже, в V–VII вв. н. э., близкий тип знака размещали на керамике из Ташкентского Оазиса (Чача) [47: рис. 2, 21, 34]. С.А. Яценко полагает, владелец знака X происходил из Кангюя¹¹.

Что же касается знака X , то он ранее был обнаружен на «разрисованной плите» из Керчи. С.А. Яценко датирует его серединой I – серединой II в. н. э. [40: 143, рис. 9, 2].

Попытаемся объяснить факт размещения тамги в нижней части поля плиты, под углом в 105° к прочим обозначениям, причём значительно ниже их. Есть все основания полагать, что использовавшая его группа варваров в момент размещения на плите тамг первой и второй групп не была столь влиятельной, как кланы, использовавшие обозначения , , , , , , , и . В ином случае символ поместили бы выше. Не менее важно и то, что этот знак прорезан под углом в 105° ко всем прочим. Единственным объяснением этому факту может быть то обстоятельство, что его поместили на плиту, вынутую из кладки. Что имело смысл сделать в том случае, когда договор с предводителями северопричерноморских кочевых кланов, заключенный Неоптолемом и подтвержденный Махаром, потерял силу.

Перейдем к знаку . Начнем с того, что сам факт размещения его поверх тамги не является тривиальным. Да, можно предположить, что один из кланов, присоединившийся к договору Неоптолема – Махара, во вторую очередь расторгнул его, и вместо него соглашение подписала группа северопричерноморских варваров, использовавшая эмблему . Но вряд ли это событие могло иметь место. Дело в том, что соглашение Неоптолема – Махара, по-видимому, действовало до того момента, когда стало ясно, что Митридат VI Евпатор Дионис в силах подчинить Боспор. И вряд ли нашелся клан, который пожелал бы поддержать Махара в столь критических обстоятельствах.

Полагаем, что знак появился на плите одновременно с тамгой . Причём его нанесли с целью устранения памяти о клане, использовавшего символ , как было сказано выше, довольно влиятельного в Северном Причерноморье со II в. до н. э. до III–IV вв. н. э. Так что мы наблюдаем последствие вражды варварских группировок. Учитывая эти обстоятельства, заключаем, что тамги и появились на плите после того, как она была извлечена из стены и использовалась вторично, пока не оказалась в облицовке оборонительного рва.

Заключение

Как видим, плита-писаница из Артезиана, несмотря на многочисленные повреждения, сохранила ценные сведения как по дипломатической, так и по этнической истории Боспорского государства, позволяющие уточнить наши представления о взаимодействии понтийской и региональных элит в период правления Митридата VI Евпатора Диониса. Есть все основания считать, что она донесла до нашего времени единственное, но в то же время достаточно информативное свидетельство о заключении

договора между Неоптолемом и вождями ведущих кочевых кланов Таврики и Северного Причерноморья, который подтвердил и Махар. Так что не случайно изучаемая плита изначально была вмонтирована в стену укрепления на заметном месте.

Но не это самое важное. Выявление трёх групп знаков на плите позволило проследить динамику этих контактов. За двадцать лет изучения было установлено, что монограммы и знаки не появились на плите в один момент времени. Есть все основания полагать, что при Махаре к соглашению присоединились менее влиятельные кланы, а после падения режима этого наместника Митридата VI Евпатора Диониса на плите оказались знаки третьей группы, судя по обстоятельствам их нанесения, вырезанные на плите, вынутой из кладки.

Как видим, объект нашего изучения – информативная «каменная летопись», дешифровка которой значительно уточнила наши знания по истории Боспора понтийского периода. Однако её изучение все еще нет оснований считать завершённым. Дело в том, что на данный момент не выработаны убедительные атрибуции обозначений 𐌕 , 𐌕 , 𐌕 , 𐌕 и 𐌕 . Надеемся на то, что нам удастся изучить их в обозримом будущем.

Список сокращений

ААЭ МПГУ – Артезианская археологическая экспедиция Московского педагогического государственного университета; ВДИ – Вестник древней истории (Москва); ДБ – Древности Боспора (Москва); КБН – Корпус боспорских надписей; к.о. – коллекционная опись ААЭ МПГУ; МАИАСП – Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья (Нижевартовск); ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры (Москва, Магнитогорск, Новосибирск).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: [18: 44]. В более поздних работах Паростой считали как Артезиан, так и Либкнехтовку, или Багерово-Северное [17; 20: 125].

2. Оборонительный ров ранней цитадели был обнаружен в 1998 г. на дне позднего оборонительного рва (по его центру). Он был засыпан золистым грунтом, имел трапецевидную в разрезе форму с уклоном внешнего борта 45°. Его сохранившаяся глубина – 1,50–1,55 м. Выявлен северо-восточный угол рва. Северная и восточная линии рва, ориентированные по сторонам света, соединялись под прямым углом. Место стыковки плавно закруглено. Ширина рва в верхней части – 5,60–5,63 м, в нижней 3,00–3,40 м. Ширина рва на месте стыка была вверху – до 7,20 м, внизу – 5 м. При перестройке

укрепления внешний и внутренний скаты раннего рва были срезаны. Следовательно, его реальная глубина в древности была большей и достигала, по меньшей мере, 3,20–3,60 м, а ширина, по-видимому, 6,5–7,0 м. На внутреннем склоне рва выявлен небольшой уступ шириной 0,25–0,28 м, высотой 0,30 м, возможно, служивший основанием несохранившейся каменной или сырцовой облицовки. Плиту можно было принять за часть облицовки раннего рва, но стратиграфические данные позволили заключить, что она оказалась в конструкции облицовки позднего рва, который во многом повторял очертания раннего.

3. Вполне возможно, что она изначально выглядела как №. Дело в том, что правый верхний угол плиты сколот.

4. К этому выводу пришёл и С.А. Яценко [39: 542].

5. Вопрос о генезисе царских тамг Боспора доскональным образом изучен О.В. Шаровым [35: 43–49].

6. Проблему размещения знаков в «энциклопедиях» рассмотрел С.А. Яценко [42: 79–82].

7. Заметим, что обозначение $\cup$ было выявлено на ручке амфоры из коричневой глины в ходе раскопок поселения Мысхако (Восточный холм, раскопки 1990–1991 гг.) в слое I–III вв. Но вряд ли это знак. Принимаем точку зрения С.Ю. Сапрыкина и А.А. Масленникова. Речь должна идти об указании на цену [23: 214, № 224]. Иное дело – рельефные знаки на бронзовом котле V–IV вв. до н. э. (ГЭ. Инв. № 1292/46), найденном в 1852 г. в дер. Карагай (бывш. Ишимский уезд) [22: 27, № 52]. Э.И. Соломоник заключила, что «подобные знаки простых очертаний» известны на предметах малой пластики из Северного Причерноморья [25: № 139].

8. На нём, как верно заметил С.А. Яценко, вырезан и знак $\neg$ [39: 544].

9. Об исследовании этого памятника см.: [21: 295–315; 44: 192–195].

10. Мы истолкуем этот факт несколько ниже.

11. Пользуясь случаем, хотим выразить благодарность С.А. Яценко за ценные консультации и помощь в атрибуции знаков на изучаемой нами плите.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамзон М.Г., Винокуров Н.И. Золотые статеры Аспурга и Митридата III и новые комплексы с монетами и ювелирными изделиями с городища Артезиан // ВДИ. 2016. Т. 76/3. С. 712–743.

2. Абрамзон М.Г., Винокуров Н.И., Трейстер М.Ю. Два клада монет и ювелирных изделий времени римско-боспорской войны 45–49 гг. с городища Артезиан // ВДИ. 2012. № 3. С. 93–146.

3. *Абрамзон М.Г., Винокуров Н.И., Трейстер М.Ю.* Хронологические индикаторы и проблемы интерпретации слоя боспоро-римской войны городища Артезиан // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии: тезисы докладов. Керчь: Крымское отделение института востоковедения, 2014. С. 5–16.

4. *Анохин В.А.* Античные монеты Северного Причерноморья. Киев: Стило, 2011. 328 с.

5. *Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. Киев: Наукова думка, 1986. 222 с.

6. *Белоусов А.В., Трейстер М.Ю.* Парадный кинжал с надписью из княжеского сарматского погребения у с. Косика в Нижнем Поволжье // Аристей. 2018. Т. XVIII. С. 92–128.

7. *Вайнберг Б.И.* Монеты древнего Хорезма. М.: Наука, 1977. 303 с.

8. *Вайнберг Б.И., Новгородова Э.А.* 1976. Заметки о знаках и тамгах Монголии // История и культура народов Средней Азии: сборник статей. М.: Наука, 1976. С. 66–74.

9. *Винокуров Н.И.* Исследование строительных остатков поздней цитадели на городище Артезиан в 2015–2017 гг. // ДБ. 2019. Т. 24. С. 92–113.

10. *Винокуров Н.И.* Плита с монограммами и тамгообразными знаками, найденная при раскопках «Цитадели» городища Артезиан // ДБ. 2004. Т. 7. С. 79–88.

11. *Винокуров Н.И., Крыкин С.М.* Римская политика в Северном и в Северо-Западном Причерноморье в середине I в. н.э. // ПИФК. 2017. № 4. С. 170–194.

12. *Винокуров Н.И., Чореф М.М.* К атрибуции символов на плите, найденной при раскопках цитадели городища Артезиан в 2000 г. // Stratum plus. 2021. № 6. С. 207–217.

13. *Винокуров Н.И., Яйленко В.П.* Вторая эпитафия с городища Артезиан в Крымском Приазовье // ПИФК. 2022. № 2. С. 31–52.

14. *Винокуров Н.И., Яйленко В.П.* Третья эпитафия с городища Артезиан в Крымском Приазовье // ПИФК. 2022. № 3. С. 95–134.

15. *Гаврилов А.К.* (отв. ред.). Корпус боспорских надписей. Альбом иллюстраций (КБН–альбом). Санкт-Петербург: Алетейя, 2004. 1311 с.

16. *Драчук В.С.* Системы знаков Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1975. 224 с.

17. *Зубарев В.Г.* Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. М.: Языки славянской культуры, 2005. 504 с.

18. *Зубарев В.Г., Масленников А.А.* Историческая география Восточного Крыма по Клавдию Птолемею // СА. 1987. № 3. С. 40–44.

19. *Ильясов Дж.Я.* Тамги Бактрии/Тохаристана // Яценко С.А., Рогожинский А.Е., Смагулов Е.А., Табалдыев К.Ш., Баратов С.Р., Ильясов Дж.Я., Бабаяров Г.Б. Тамги доисламской Центральной Азии. Самарканд: Международный институт центральноазиатских исследований ЮНЕСКО, 2019. С. 89–140.

20. *Масленников А.А.* Эллинская хора на краю ойкумены. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху. М.: Индрик, 1998. 300 с.

21. *Ольховский В.С., Яценко С.А.* О знаках-тамгах из святилища Байте III

на Устьурте (предварительное сообщение) // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии: сборник статей. М.: Геос, 2000. С. 295–315.

22. Пиотровский М.Б. (ред.). 2013. *Каталог выставки «Мир кочевников. Из археологических коллекций Государственного Эрмитажа»*. СПб.: Государственный Эрмитаж; АО «Славия», 132 с.

23. Сарпыкин С.Ю., Масленников А.А. Граффити и дипинти хоры античного Боспора. Симферополь; Керчь: АДЕФ-Украина, 2007. 320 с.

24. Смагулов Е.А., Яценко С.А. Серии знаков из Северного Казахстана // Тамги доисламской Центральной Азии: сборник статей. Самарканд: Международный институт центральноазиатских исследований ЮНЕСКО, 2019. С. 159–197.

25. Соломоник Э.И. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев: АН УССР, 1959. 201 с.

26. Струве В.В. (отв. ред.). Корпус боспорских надписей. М.; Л.: Наука, 1965. 951 с.

27. Фролова Н.А. Монетное дело Боспора (середина I в. до н. э. – середина IV в. н. э.). Ч. I. Монетное дело Боспора 49/48 гг. до н. э. – 210/211 гг. н. э. М.: Едиториал УРСС, 1997. 448 с.

28. Чореф М.М. Афины под властью Митридата VI Евпатора Диониса: по данным нумизматики // *Stratum plus*. 2018. № 6. С. 109–124.

29. Чореф М.М. Бронзы Рескупорида II с изображениями царя на коне и Афродиты на троне на реверсе как исторический источник // *Scripta antiqua*. 2022. Т. 10. С. 161–178.

30. Чореф М.М. К вопросу о статусе Аспурга как монарха // *Stratum plus*. 2019. № 6. С. 97–116.

31. Чореф М.М. К вопросу об атрибуции надчеканки «колос» на монетах Пантикапея и Фанагории // *История*. 2021. Т. 12. № 12-1 (110). URL: <https://history.jes.su/s207987840018583-0-1> (дата обращения: 05.11.2022). DOI: 10.18254/S207987840018583-0.

32. Чореф М.М. Недостающие звенья, или К истории Боспорского царства при Евпаторе // *Stratum plus*. 2021. № 6. С. 93–106.

33. Чореф М.М. Памятные монеты Махара боспорского чекана как исторический источник // *Stratum plus*. 2012. № 6. С. 105–111.

34. Шагалов В.Д., Кузнецов А.В. Каталог монет Чача III–VIII вв. Ташкент: Фан, 2006. 238 с.

35. Шаров О.В. Боспорские этюды: к вопросу о появлении царских тамг // *Stratum plus*. 2013. № 5. С. 43–49.

36. Шаров О.В. Тамга конского убора из погребения с Золотой маской // Боспорский феномен. Население, языки, контакты: материалы международной конференции. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 161–166.

37. Яценко С.А. Заметки по планиграфии Усть-Альминского некрополя в крымской Малой Скифии // МАИАСП. 2018. № 10. С. 98–117.

38. Яценко С.А. Знаки ранних кочевников плато Устьурт // Тамги доисламской Центральной Азии: сборник статей. Самарканд: Международный институт центральноазиатских исследований ЮНЕСКО, 2019. С. 58–88.

39. Яценко С.А. Знаки собственности сарматского облика (gakk/nishan) в сельских районах Боспорского царства I–III вв. н. э. // ДБ. 2009. Т. 13. С. 539–552.

40. Яценко С.А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М.: Восточная литература, 2001. 190 с.

41. Яценко С.А. Мужчины сарматского происхождения в некрополях боспорской элиты I–IV вв. н. э. // *Stratum plus*. 2019. № 4. С. 235–256.

42. Яценко С.А. О последовательности нанесения серии тамг на надгробные плиты из некрополя Пантикапея // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища: материалы международной конференции. Ч. 1. СПб.: Государственный Эрмитаж, 2002. С. 79–82.

43. Яценко С.А. Планиграфия знаков-тамг в некрополях оседлого населения Сарматии // *Stratum plus*. 2018. № 6. С. 217–242.

44. Яценко С.А. Тамги на объектах храма Байте III на Устюрте: о датировке и этнокультурной атрибуции // Ранний железный век Евразии от рубежа эр до середины I тыс. н. э. Динамика освоения культурного пространства: сборник статей. СПб.: Скифия-принт, 2017. С. 192–195.

45. Яценко С.А., Авизова А.К., Торгоев А.И., Саипов А., Кулиш А.В., Китов Е.П., Рогожинский А.Е., Смагулов Е.А., Ержигитова А.А., Торежанова Н.Ж., Тур С.С., Иванов С.С. Археология и история Кангюйского государства. Шымкент: Элем, 2020. 216 с.

46. Яценко С.А., Рогожинский А.Е. Несколько заметок о знаках-тамгах сарматов и их соседей // МАИАСП. 2021. № 13. С. 733–767.

47. Яценко С.А., Смагулов Е.А. Знаки городища Чача // Тамги доисламской Центральной Азии: сборник статей. Самарканд: Международный институт центральноазиатских исследований ЮНЕСКО, 2019. С. 198–228.

48. Яценко С.А., Чореф М.М. Об атрибуции статера царя Митридата, найденного в 2013 г. при раскопках городища Артезиан // *Stratum plus*. 2022. № 6. С. 137–147.

49. Abramzon M., Vinokurov N. Gold Staters of Aspurgus and Mithridates and New Complexes with Coins and Jewellery Items from the Artezian Settlement // *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. 2017. Vol. 23. P. 1–41.

50. Abramzon M.G., Treister M.Y., Vinokurov N.I. Two Hoards of Coins and Jewellery Items from the Time of the Roman-Bosporan War of AD 45–49 from the Site of Artezian // *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. 2012. Vol. 18.2. P. 207–278.

REFERENCES

1. Abramzon, M.G. & Vinokurov, N.I. (2016) Gold Staters of Aspurgus and Mithridates III and new assemblages of coins and jewelry from the site of Artezian. *Vestnik drevney istorii – Journal of Ancient History*. 76/3. pp. 712–743 (in Russian).

2. Abramzon, M.G., Vinokurov, N.I. & Treister, M.Yu. (2012) Two hoards of coins

and jewellery items from the time of the Roman-Bosporan War of AD 45–49 from the Site of Artezian. *Vestnik drevney istorii – Journal of Ancient History*. 3. pp. 93–146 (in Russian).

3. Abramzon, M.G., Vinokurov & N.I., Treyster, M.Yu. (2014) Khronologicheskie indikatory i problemy interpretatsii slova bosporo-rimskoy voyny gorodishcha Artezian [Chronological indicators and problems of interpretation of the layer of the Bosporan-Roman war of the Artezian settlement]. *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Aktual'nye problemy khronologii* [Bosporus Cimmerian and the Barbarian World in Ancient Times and the Middle Ages. Topical Problems of Chronology]. Proc. of the Conference. Kerch: Crimean Branch of the Institute of Oriental Studies. pp. 5–16.

4. Anokhin, V.A. (2011) *Antichnye monety Severnogo Prichernomor'ya* [Antique coins of the Northern Black Sea region]. Kyiv: Stilos.

5. Anokhin, V.A. (1986) *Monetnoe delo Bospora* [Coinage of the Bosporus]. Kyiv: Naukova dumka.

6. Belousov, A.V. & Treister, M.Yu. (2018) The ceremonial dagger with the inscription from the princely Sarmatian burial near the village Kosika in the Lower Volga Region. *Aristey – Aristeeas*. 18. pp. 92–128 (in Russian).

7. Vaynberg, B.I. (1977) *Monety drevnego Khorezma* [Coins of ancient Khorezm]. Moscow: Nauka.

8. Vaynberg, B.I. & Novgorodova, E.A. (1976) Zаметки о знаках и тамгах Монголии [Notes on the signs and tamgas of Mongolia]. In: Gafurov, B.G. & Litvinskiy, B.A. (eds) *Istoriya i kul'tura narodov Sredney Azii* [History and Culture of the Peoples of Central Asia]. Moscow: Nauka. pp. 66–74.

9. Vinokurov, N.I. (2019) Issledovanie stroitel'nykh ostatkov pozdney tsitadeli na gorodishche Artezian v 2015–2017 gg. [Study of the construction remains of the late citadel at the Artezian site in 2015–2017]. In: Maslennikov, A.A. (ed.) *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus]. Vol. 24. Moscow: Institute of Archeology RAS. pp. 92–113.

10. Vinokurov, N.I. (2004) Plita s monogrammami i tamgoobraznymi znakami, naydannaya pri raskopkakh "Tsitadeli" gorodishcha Artezian [The slab with monograms and tamga-shaped signs found during excavations of the "Citadel" of the Artezian Ancient settlement]. In: Maslennikov, A.A. (ed.) *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus]. Vol. 7. Moscow: Institute of Archeology RAS. pp. 79–88.

11. Vinokurov, N.I. & Krykin, S.M. (2017) Roman policy in the Northern and Northwestern Black Sea region in the mid-1st century AD. *Problemy istorii, filologii, kul'tury – Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*. 4. pp. 170–194 (in Russian).

12. Vinokurov, N.I. & Choref, M.M. (2021) K atributsii simvolov na plite, naydennoy pri raskopkakh tsitadeli gorodishcha Artezian v 2000 g. [To the attribution of symbols on the slab found during excavations of the Citadel of the Artezian Ancient Settlement in 2000]. *Stratum plus*. 6. pp. 207–217.

13. Vinokurov, N.I. & Yaylenko, V.P. (2022) The Second Epitaph from the Artesian Settlement (the Crimean Azov Region). *Problemy istorii, filologii, kul'tury – Problems of History, Philology and Culture*. 2. pp. 31–52 (in Russian).

14. Vinokurov, N.I. & Yaylenko, V.P. (2022) The Third Epitaph from the Artezian Settlement (the Crimean Azov Region). *Problemy istorii, filologii, kul'tury – Problems of History, Philology and Culture*. 3. pp. 95–134 (in Russian).

15. Gavrilov, A.K. (ed.). (2004) *Korpus bosporskikh nadpisey. Al'bom illyustratsiy (KBN–al'bom)* [The Corpus of Bosporan inscriptions. An Album of Illustrations (KBN-album)]. St. Petersburg: Aleteyya.

16. Drachuk, V.S. (1975) *Sistemy znakov Severnogo Prichernomor'ya* [Sign systems of the Northern Black Sea Region]. Kyiv: Naukova dumka.

17. Zubarev, V.G. (2005) *Istoricheskaya geografiya Severnogo Prichernomor'ya po dannym antichnoy pis'mennoy traditsii* [Historical geography of the Northern Black Sea region according to the ancient written tradition]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

18. Zubarev, V.G. & Maslennikov, A.A. (1987) *Istoricheskaya geografiya Vostochnogo Kryma po Klavdiyu Ptolemeyu* [Historical geography of Eastern Crimea according to Claudius Ptolemy]. *Sovetskaya arheologiya – Soviet archaeology*. 3. pp. 40–44.

19. Ilyasov, Dzh.Ya. (2019) Tamgi Baktarii/Tokharistana [Tamgas of Bactria/Tokharistan]. In: Yatsenko, S.A., Rogozhinskiy, A.E., Smagulov, E.A., Tabaldyev, K.Sh., Baratov, S.R., Ilyasov, Dzh.Ya. & Babayarov, G.B. *Tamgi doislamskoy Tsentral'noy Azii* [Tamgas of Pre-Islamic Central Asia]. Samarkand: MITSAL YUNESKO. pp. 89–140.

20. Maslenikov, A.A. (1998) *Ellinskaya khora na krayu oykumeny. Sel'skaya territoriya evropeyskogo Bospora v antichnuyu epokhu* [Hellenic Chorus on the Edge of the Ecumene. Rural Territory of the European Bosphorus in Ancient Times]. Moscow: Indrik.

21. Olkhovskiy, V.S. & Yatsenko, S.A. (2000) O znakakh-tamgakh iz svyatilishcha Bayte III na Ustyurte (predvaritel'noe soobshchenie) [About signs-tamgas from the sanctuary of Bayte III on Ustyurt (a preliminary report)]. In: Olkhovskiy, V.S. (ed.) *Arkheologiya, paleoekologiya i paleodemografiya Evrazii* [Archaeology, Paleoecology and Paleodemography of Eurasia]. Moscow: Geos. pp. 295–315.

22. Piotrovskiy, M.B. (ed.) (2013) *Katalog vystavki "Mir kochevnikov. Iz arkheologicheskikh kolleksiy Gosudarstvennogo Ermitazha"* [A Catalogue of the Exhibition "The World of Nomads. From the Archaeological Collections of the State Hermitage"]. St. Petersburg: State Hermitage; AO "Slaviya."

23. Sarpykin, S.Yu. & Maslennikov, A.A. (2007) *Graffiti i dipinti khory antichnogo Bospora* [Graffiti and dipinti of Chorus of Ancient Bosporus]. Simferopol; Kerch: ADEF-Ukraina.

24. Smagulov, E.A. & Yatsenko, S.A. (2019) Serii znakov iz Severnogo Kazakhstana [Series of signs from Northern Kazakhstan]. In: Suleymanov, R.Kh. (ed.) *Tamgi doislamskoy Tsentral'noy Azii* [Tamgas of pre-Islamic Central Asia]. Samarkand: UNESCO International Institute for Central Asian Studies. pp. 159–197.

25. Solomonik, E.I. (1959) *Sarmatskie znaki Severnogo Prichernomor'ya* [Sarmatian Signs of the Northern Black Sea Region]. Kyiv: AS USSR.

26. Struve, V.V. (ed.) (1965) *Korpus bosporskikh nadpisey* [The Corpus of Bosporan Inscriptions]. Moscow; Leningrad: Nauka.
27. Frolova, N.A. (1997) *Monetnoe delo Bospora (seredina I v. do n.e. – seredina IV v. n.e.)* [The Bosporus Coinage (mid-1st century BCE – mid-4th century CE)]. Vol. I. Moscow: Editorial URSS.
28. Choref, M.M. (2018) Afiny pod vlast'yu Mitridata VI Evpatora Dionisa: po dannym numizmatiki [The Athens under the rule of Mithridates VI Eupator Dionysus: According to numismatical data]. *Stratum plus*. 6. pp. 109–124.
29. Choref, M.M. (2022) Bronzy Reskupidora II s izobrazheniyami tsarya na kone i Afrodity na trone na reverse kak istoricheskii istochnik [Bronzes of Rhescuporis II with Images of the King on Horseback and Aphrodite on the Throne on the Reverse as Historical Source]. *Scripta antiqua*. 10. pp. 161–178.
30. Choref, M.M. (2019) K voprosu o statuse Aspurga kak monarkha [On the Status of Aspurgus as a Monarch of Bosporan Kingdom]. *Stratum plus*. 6. pp. 97–116.
31. Choref, M.M. (2021) K voprosu ob atributsii nadchekanki “kolos” na monetakh Pantikapeya i Fanagorii [On the attribution countermarks “Ear” on the coins of Panticapaeum and Phanagoria]. *Istoriya – History*. 12(12-1 (110)). DOI: 10.18254/S207987840018583-0
32. Choref, M.M. (2021) Nedostayushchiye zven'ya, ili k istorii Bosporskogo tsarstva pri Evpatore [Missing Links or to the History of the Second Century AD Bosporan Kingdom under Eupator: by numismatic data]. *Stratum plus*. 6. pp. 93–106.
33. Choref, M.M. (2012) Pamyatnye monety Makhara bosporskogo chekana kak istoricheskii istochnik [Commemorative coins of Machares of Bosporus coinage as a Historical Source]. *Stratum plus*. 6. pp. 105–111.
34. Shagalov, V.D. & Kuznetsov, A.V. (2006) *Katalog monet Chacha III–VIII vv.* [The Catalogue of Chach coins of the 3rd – 8th centuries]. Tashkent: Fan.
35. Sharov, O.V. (2013) Bosporskie etyudy: k voprosu o poyavlenii tsarskikh tamg [Bosporus Etudes: Towards the Emergence of the Royal Tamgas]. *Stratum plus*. 5. pp. 43–49.
36. Sharov, O.V. (2011) Tamga konskogo ubora iz pogrebeniya s Zolotoy maskoy [A tamga of a horse dress from the burial with the Golden mask]. In: Vakhtina, M.Yu. (ed.) *Bosporskiy fenomen. Naselenie, yazyki, kontakty* [The Bosporan Phenomenon. Population, Languages, Contacts]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 161–166.
37. Yatsenko, S.A. (2018) Zametki po planigrafii Ust'-Al'minskogo nekropolya v krymskoy Maloy Skifii [Notes on Planning of Ust-Alma Necropolises in the Crimean Late Scythia]. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya – Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region*. 10. pp. 98–117. DOI: 10.24411/2219-8857-2018-00003
38. Yatsenko, S.A. (2019) Znaki rannikh kochevnikov plato Ustyurt [Signs of the early nomads of the Ustyurt plateau]. In: Yatsenko, S.A., Rogozhinskiy, A.E., Smagulov, E.A., Tabaldyev, K.Sh., Baratov, S.R., Ilyasov, Dzh.Ya. & Babayarov, G.B. *Tamgi doislamskoy Tsentral'noy Azii* [Tamgas of Pre-Islamic Central Asia]. Samarkand: MITSAI YUNESKO. pp. 58–88.

39. Yatsenko, S.A. (2009) Znaki sobstvennosti sarmatskogo oblika (gakk/nishan) v sel'skikh rayonakh Bosporskogo tsarstva I–III vv. n.e. [Property signs of Sarmatian appearance (gakk/nishan) in the rural areas of the Bosporan kingdom of the 1st – 3rd centuries CE]. In: Maslennikov, A.A. (ed.) *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus]. Vol. 24. Moscow: Institute of Archeology RAS. pp. 539–552.

40. Yatsenko, S.A. (2001) *Znaki-tamgi iranoyazychnykh narodov drevnosti i rannego srednevekov'ya* [Signs-tamgas of the Iranian-speaking peoples of the Ancient times and the early Middle Ages]. Moscow: Vostochnaya literatura.

41. Yatsenko, S.A. (2019) Muzhchiny sarmatskogo proiskhozhdeniya v nekropolyakh bosporskoy elity I–IV vv. n.e. [Men of Sarmatian Origin in the Bosporan Elite Necropolises of the 1st – 4th CE]. *Stratum plus*. 4. pp. 235–256.

42. Yatsenko, S.A. (2002) O posledovatel'nosti naneseniya serii tamg na nadgrobnye plity iz nekropolya Pantikapeya [On the sequence of applying a series of tamgas on tombstones from the necropolis of Panticapaeum]. In: Vakhtina, M.Yu. (ed.) *Bosporskiy fenomen: pogrebal'nye pamyatniki i svyatilishcha* [Bosporan phenomenon: funerary monuments and sanctuaries]. Vol. 1. St. Petersburg: State Hermitage. pp. 79–82.

43. Yatsenko, S.A. (2018) Planigrafiya znakov–tamg v nekropolyakh osedlogo naseleniya Sarmatii [Planigraphy of Tamga-Signs in the Necropolises of Sedentary Population in Sarmatia]. *Stratum plus*. 6. pp. 217–242.

44. Yatsenko, S.A. (2017) Tamgi na ob'yektakh khrama Bayte III na Ustyurte: o datirovke i etnokul'turnoy atributsii [Tamgas on the objects of the Baite III temple in Ustyurt: on dating and ethnocultural attribution]. In: Savinov, D.G. (ed.) *Ranniye zheleznyye veky Evrazii ot rubezha er do serediny I tys. n.e. Dinamika osvoeniya kul'turnogo prostranstva* [The Early Iron Age of Eurasia from the turn of the eras to the middle of the 1st millennium CE. Dynamics of cultural space development]. St. Petersburg: Skifiya-print. pp. 192–195.

45. Yatsenko, S.A., Avizova, A.K., Torgoev, A.I., Saipov, A., Kulish, A.V., Kitov, E.P., Rogozhinskiy, A.E., Smagulov, E.A., Erzhigitova, A.A., Torezhanova, N.Zh., Tur, S.S. & Ivanov, S.S. (2020) *Arkheologiya i istoriya Kangyuyskogo gosudarstva* [Archaeology and History of the Kangju State]. Shymkent: Elem.

46. Yatsenko, S.A. & Rogozhinskiy, A.E. (2021) Some notes on the tamga-signs of Sarmatians and their neighbours. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya – Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region*. 13. pp. 733–767 (in Russian). DOI: 10.53737/2713-2021.2021.56.17023

47. Yatsenko, S.A. & Smagulov, E.A. (2019) Znaki gorodishcha Chacha [Signs of the Chach settlement]. In: Yatsenko, S.A., Rogozhinskiy, A.E., Smagulov, E.A., Tabaldyev, K.Sh., Baraton, S.R., Ilyasov, Dzh.Ya. & Babayarov, G.B. *Tamgi doislamskoy Tsentral'noy Azii* [Tamgas of Pre-Islamic Central Asia]. Samarkand: MITSAL YUNESKO. pp. 198–228.

48. Yatsenko, S.A. & Choref, M.M. (2022) Ob atributsii statery tsarya Mitridata, naydennoy v 2013 g. pri raskopkakh gorodishcha Artezian [On the attribution of the stater of King Mithridates, found in 2013 during the excavation of the site of Artesian]. *Stratum plus*. 6. pp. 137–147.

49. Abramzon, M. & Vinokurov, N. (2017) Gold Staters of Aspurgus and Mithridates and New Complexes with Coins and Jewellery Items from the Artezian Settlement. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. 23. pp. 1–41.

50. Abramzon, M.G., Treister, M.Y. & Vinokurov, N.I. (2012) Two Hoards of Coins and Jewellery Items from the Time of the Roman-Bosporan War of AD 45–49 from the Site of Artezian. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. 18.2. pp. 207–278.

Винокуров Николай Игоревич – доктор исторических наук, профессор, директор Центра археологических исследований Московского педагогического государственного университета (Россия).

Nikolai I. Vinokurov – Moscow Pedagogical State University (Russia).

E-mail: vinokurovn@list.ru

Чореф Михаил Михайлович – кандидат исторических наук, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Россия).

Mikhail M. Choref – Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Russia).

E-mail: choref@yandex.ru